Коммунист
Ереван
1 ФЕВ 1967

ЕЕ РУКИ...

ОНА волшебница, самая настоящая. От прикосновения ее пальцев разглаживаются морщинки на уже немолодом, усталом лице, и оно становится нежным и прекрасным. Черноволосую девушку она может превратить в озорного мальчишку с непокорными рыжими вихрами, а скромного застенчивого человека — в ревнивого венецианского мавра. Она — виновница удивительных превращений, необычайных путешествий из века прошлого в век настоящий. Совершаются они каждый вечер, лишь только театр зажигает огни.

...Когда Марлик Багдасарян переступила порог театра им. Сундукяна, ей было пятнадцать, и она непременно хотела стать актрисой. Но театру нужна была не актриса, а гример. И она, не раздумывая, согласилась, лишь бы быть в театре. Нет, сейчас она не жалеет, что так получилось, даже наоборот. Вышла бы из нее настоящая актриса — вопрос, а вот гример получился отличный. Она очень полюбила свою работу, трудную, кропотливую, творческую.

Необыкновенный сплав театральный спектакль, и чем органичнее растворяется в нем труд людей самых разных профессий, тем монолитнее и тверже он.

Зритель аплодирует актерам, режиссеру, реже выпадают аплодисменты на долю автора, художника, композитора. Ну, а до гримерной аплодисменты обычно не доходят. Они замирают где-то на полпути. И это случается не потому, что труд гримера остался незамеченным. Совсем наоборот. Это значит, что все сделано им как нельзя лучше, что не отклеился ус и не съехал набок парик, что именно такими, а не другими представлял себе героев зритель. И только настоящий знаток этой сложной профессии сможет по достоинству оценить роль гримера в рождении образа.

Работая над этим материалом, мне довелось встретиться и беседовать с главным художником театра Саркисом Арутчяном. Он-то, пожалуй, и помог мне яснее представить те сложности, которые подчас приходится преодолевать гримеру в работе над новой постановкой, тот такт, которым он, несомненно, должен обладать.

Три человека ставят перед ним свои задачи: режиссер, художник, актер. Три человека, со своим видением образа, вкусами, а иногда и капризами. Хорошо, если они совпадают, но, скажем прямо, так бывает не всегда. А тут еще настойчиво пробивает себе путь четвертое, собственное решение. Попробуй, выкрутись из этого сложного положения! Нет, твою правоту могут доказать только умелые руки и верный глаз. Не раз бывало, что именно они, эти руки, подсказывали правильное решение, вносили существенные коррективы в эскизы художника, подсказывали актеру единственно правильную манеру поведения.

Ее руки... Сколько париков, самых различных: седых и иссиня-черных, белокурых и рыжих прошли через них за 25 лет работы в театре, а сколько еще пройдет! Она помнит, как работали над ролями лучшие мастера армянской сцены: А. Восканян, О. Гулазян, Асмик, В. Вагаршян, Г. Нерсесян и другие. Помнит, как робко, очень волнуясь, взошла в первый раз на подмостки театра лермонтовская Нина — Метаксия Симонян. Постановщик спектакля «Маскарад» Армен Карпович Гулакян попросил ее сделать прическу молодой дебютантке. Она очень старалась в тот вечер, и очень «болела» за эту тоненькую, милую девушку.

И теперь каждый раз, когда в зеркале гримерной она видит это лицо, ей вспоминается тот вечер — вечер рождения актрисы. А сколько таких вечеров она провела, стоя за кулисами, волнуясь за своих коллег, радуясь их успеху!

...Мы сидим в холле театра и разговариваем. Мимо нас то и дело снуют люди. Они, видимо, очень заняты, очень спешат, и все же каждый из них, хоть на минутку, да задержится у наших кресел, чтобы поздороваться с ней, перекинуться словечком.

Марлик рассказывает о поездке в Сирию и Ливан. Это первый выезд театра за рубеж. Впечатлений столько, что их трудно сгруппировать в стройный рассказ.

— В Бейруте, Алеппо, Дамаске постоянно действующих театров нет, так что спектакли наши шли в небольших частных залах, кинотеатрах и даже в фешенебельных казино. И все же эти залы не в состоянии были вместить всех желающих посмотреть наши спектакли. Билеты расхватывались в мгновенье ока, зрители сидели в проходах, прямо на полу. Зал реагировал на каждое слово, смеялся и негодовал, вздыхал и восторгался, и все это совсем рядом, у самой авансцены. Может, этот прием, эта теплота и были причиной того, что, несмотря на большую нагрузку (бывали дни, когда мы играли по два спектакля), никто из нас не чувствовал усталости. Все актеры играли отлично, с большим подъемом.

— Наверное, и на вашу долю выпало немало забот?

— Еще бы, ведь дома у нас целый гримерный цех. А в эту поездку взяли только меня. Вот и приходилось работать за пятерых. А тут еще консультации.

— Консультации? — удивленно переспрашиваю я.

— Да, в Бейруте у меня появился ученик, и должна сказать, на редкость старательный. Звали его Кайцак. Каждый вечер он появлялся в гримерной и подолгу наблюдал за моей работой. Профессиональных гримеров в Сирии и Ливане почти нет. Вот он и воспользовался нашим приездом, чтобы освоить эту профессию. И теперь у армянской любительской труппы в Бейруте будет свой гример. Уезжая, я оставила им несколько париков и частицу своего сердца, — смеется она.

— А кому вы обязаны своим мастерством?

— Гримера сделал из меня Погос Арменакович Асчян. Именно у него я научилась всему тому, что умею.

...Ее все в театре называют не Арусяк Левоновной Багдасарян, а просто Марлик, так, как называли 25 лет назад, когда она, совсем еще девочка, переступила заветный порог. А с годами к этому имени прибавилось еще одно коротенькое слово — «наша».

И. ГАСПАРЯН.

На снимке: А. Багдасарян.

Фото В. Касабяна.